

СОЦИАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ ГОРНОЗАВОДСКОГО УРАЛА В НАЧАЛЕ XX в.

Ю. Д. Коробков

С учетом неоднозначной оценки форм социального протеста рабочих горнозаводского Урала в отечественной историографии в данной статье рассматриваются его различные проявления в начале XX в. Наряду с влиянием на рабочее движение в крае особенностей горноокружной системы уральской промышленности, специфики взаимодействия труда и капитала на Урале, большое внимание уделяется анализу группового сознания местных рабочих и сложившихся ранее социокультурных и психологических стереотипов решения конфликтных ситуаций. Применение подходов социальной психологии и конфликтологии позволяет прийти к выводу о преобладании в социальных конфликтах на горнозаводском Урале разнообразных и массовых проявлений менталитета и способов решения конфликтных ситуаций, присущих традиционному обществу.

Ключевые слова: рабочее движение, горнозаводской Урал, стереотип.

По оценке Горного департамента в годы первой российской революции уровень насилия на предприятиях горнозаводской промышленности Урала превышал общероссийские параметры. В оценке данного феномена, форм и особенностей социального протеста уральских рабочих в целом в отечественной историографии сложилось два подхода. В 1920-е гг. историки дореволюционной школы и часть специалистов новой формации акцентировали свое внимание на специфических чертах образа жизни уральских рабочих и особых формах их взаимоотношений с администрацией, обусловленных влиянием горноокружной системы. Их оппоненты считали уральского рабочего типичным представителем российского пролетариата, а Урал — одним из ведущих центров освободительного движения в стране, революционность которого определялась, в первую очередь, высоким уровнем сознательности и организованности его рабочего класса.

С 1930-х годов в советской историографии в качестве единственного и безальтернативного утвердился второй подход. Редкие попытки высказать иные суждения подвергались ostracismu и квалифицировались как лженаучные и идеологически вредные.

В современной историографии происходит реабилитация наработок отечественной историографии начала XX в. В концептуальном виде в оценке рабочего движения данные подходы были сформулированы в трудах Л. Хаймсона, В. П. Булдакова, Б. Н. Миронова, объясняющих высокую роль бунтарских, стихийных выступлений рабочих не их особой революционностью, а влиянием традиционалистских, доиндустриальных, по сути, начал в психологии рабочих. В современном ураловедении данный подход был сформулирован Н. Н. Алеврас и И. В. Нарским, отмечавшими значительное влияние сложившихся ранее социокультурных и психологических стереотипов на социальное поведение уральских рабочих в начале XX века.

Эта точка зрения соотносится с современными подходами социологии и социальной психологии. В частности, отмечается, что народные движения содержат не только социальные идеи, соответ-

ствующие своему времени, но и более архаичные установки и представления. Это связано с тем, что менталитет любой эпохи, особенно традиционного общества, обладает особой устойчивостью, инерционностью, долго сохраняет древние традиции и стереотипы поведения [3, с. 92]. Соответственно, изучение истории народного протеста невозможно без учета этих традиций.

В соответствии с положениями ситуационной теории конфликтологии одним из главных факторов межгруппового конфликта, определяющим его глубину и длительность, является опыт предшествующего взаимодействия и сформированные в ходе его стереотипы и установки группового сознания.

С учетом данных подходов в статье предпринята попытка проанализировать содержание и особенности рабочего движения на горнозаводском Урале в начале XX века. Пожалуй, самым распространенным, массовым и устойчивым из них являлось стойкое недоверие к любым действиям заводского начальства.

Это отношение сформировалось в дореформенные годы и было вызвано, прежде всего, сложившейся многолетней практикой грубости, произвола и обмана, царивших на уральских заводах. Не случайно, рабочие Кизеловского завода в мае 1863 г. просили мирового посредника Соликамского уезда оградить их «от произвола и своеволия служащих, к которым они выказали сильное недоверие» [17, л. 80].

Недоверие рабочих к администрации имело самые разнообразные оттенки и проявления и буквально опутывало их взаимоотношения. В 80—90-х гг. XIX в. рабочие отказывались от получения земельных наделов, усматривая в этом такие «происки» администрации как «поворот к закрепощению» или средство их замены на пришлых рабочих. «Разлад» на почве земельного вопроса привел, по оценке Р. Попова, к тому, что «заводовладельцы и заводские мастеровые образовали две стороны, враждебно смотревшие на другую...» [10, с. 299] и, по мнению министра земледелия и государственных имуществ, рабочие частных заводов объясняли свое нежелание вступать в добровольные соглашения с

заводоуправлениями тем, что «неизвестно к чему эти условия клоняют» и опасением «лишиться своих прав». Во многом этим же объясняется их нежелание принимать новые расчетные книжки. С учетом этого в обход местного начальства рабочие часто напрямую обращались к более высоким инстанциям, поскольку, как отмечали в своем прошении в ноябре 1891 г. рабочие Нижне-Тагильского завода, заводское начальство все их «благонамеренные и скромные желания могло истолковать в неблагоприятном для нас смысле...» [9, с. 199].

В начале XX в. практика недоверия становится более обширной, затрагивая различные стороны производственной и бытовой сферы. Рабочие Златоустовского завода, например, в мае 1902 г. обвинили начальство в неправильном составлении протокола по поводу смерти своего коллеги, скончавшегося от полученных на производстве увечий [15, л. 475 об.]. Рабочие Миньярского завода в январе 1905 г. сначала обвинили администрацию в утаивании информации о расходовании собираемых с них денег [14, л. 154], а затем говорили, что в прокатном цехе «специально бракуют хорошие листы» для их использования в личных целях администрации. В ответ на попытку окружного инженера Екатеринбургского горного округа убедить рабочих Михайловского завода в феврале 1903 г. принять позицию заводской администрации, мастеровые, «относясь крайне недоверчиво» ко всем ее убеждениям, продолжали настаивать на своем. В обобщенном виде эту ситуацию охарактеризовало совещание представителей общественных и демократических организаций по вопросам уральской промышленности 23 мая 1917 г.: «на местах промышленники не доверяют рабочим, рабочие — промышленникам» [13].

На отношение рабочих к администрации и особенности их взаимодействия, по мнению А. Н. Митинского, влияло сложившееся еще в XVIII в. убеждение о том, что «все заводы крайне выгодны, а если не окупают производства, то только по крайнему неумению или злему умыслу их заведующих или владельцев» [4, с. 71].

Закреплению данного стереотипа способствовали многочисленные факты бесхозяйственности и профессиональной некомпетентности со стороны технического персонала. В письмах известному ураловеду И. Х. Озерову рабочие обращали внимание на бесхозяйственность администрации и ее невнимательное отношение к делу, «династирование одних и тех же фамилий, влияние родственных связей на замещение мест» в ущерб производству, непрофессионализм («наше начальство... даже замка у орудия открыть не умеет»), безнаказанность, взяточничество по всей управленческой вертикали («взятки с рабочих — это у нас обыкновенное явление; этому явлению... у нас никто не удивляется..., одним словом, брали и берут сырым и вареным»), безделье начальства («управитель... ходит только руки в карманы, распорядиться-то толком не может, не только что хорошее что-нибудь сделать»).

В результате все это негативно сказывалось на производстве и главной причиной убытков рабочие считали деятельность (или бездеятельность) заводской администрации в полном соответствии

с народной мудростью: «Если в семье плохой хозяин, так, значит, и все идет плохо». Наши мастера и управители, рассуждали они, «все одно, что плохая баба. У плохой бабы щи постоянно бывают то недоварены, то переварены. Так и у нашего начальства: то оно перегреет, то не догреет, то переправит, то не заправит чем следует, и выходит в конце-концов, не каша и не щи...» [5, с. 207—208].

Особенно отчетливо этот стереотип актуализировался в послефевральской России, когда главную причину спада производства рабочие Мотовилихинского, Верхне-Туринского, Нижне-Тагильского, других заводов края видели в политической позиции и уровне профессионализма заводской администрации. Общее собрание рабочих Нижне-Туринского завода 28 марта 1917 г. заставило Пермский исполком провести ревизию своего предприятия [8]. Каслинский Совет в апреле 1917 г. отмечал, что заводоуправление «умышленно тормозит дело обороны» [6]. Рабочие Алапаевского горного округа просили в мае 1917 г. провести ревизию финансовой деятельности администрации предприятий, считая, что «в настоящее время... вся высшая горная администрация в мутной воде ловит рыбу», а главным средством увеличения производительности называли «переформирование» ее состава [13]. О типичности подобной реакции рабочих на существующие проблемы говорит факт приезда в Екатеринбург в июле 1917 г. делегации рабочих различных горных округов, утверждавших, что «администрация сознательно ведет заводы к закрытию, стараясь вызвать забастовки рабочих» [11, л. 172].

Спрессованный в поколениях груз недовольства, обид, унижений человеческого достоинства помимо недоверия к администрации дал в 1917 г. мощный выплеск негативизма по отношению к ним. Он проявлялся по-разному.

Прежде всего, это жестокость, бескомпромиссность, непримиримость по отношению к представителям заводской власти. Рабочие Сысертского горного округа в письме к А. Ф. Керенскому 19 марта 1917 г. просили его «принять меры для устранения нашей подлой администрации», угрожая в противном случае прекращением работы и отказом от «защиты нашей родины». Несмотря на то, что комиссия Златоустовского Совета 23 марта не нашла никакого криминала в действиях двух мастеров, изгнанных рабочими, последние даже не желали «вступать с комиссией в детальное выяснение этого конфликта».

Еще одним показателем степени нетерпимости рабочих к заводоуправлениям является их реакция на те или иные, особенно непопулярные, решения заводской власти. Осознавая это, руководство Верхне-Сергинского завода в марте 1917 г. просило, чтобы распоряжение по охране заводских дров исходило от Министерства торговли и промышленности, так как «если это будет сделано от нашего имени, рабочие могут усмотреть в нем простую злость и ответить разгромом заводов». Говоря о необходимости укрепления трудовой дисциплины, исполнительный комитет Богословского завода предупреждал, что если эти «меры репрессивного характера, которые предложены применять нами,

будет применять администрация, то они могут вызвать взрыв негодования».

Во многом непримиримость рабочих к администрации определяла жажда мести к тем ее представителям, которые до февраля 1917 г. в чем-то ущемляли их интересы, были чрезмерно требовательны и педантичны, злоупотребляли служебным положением. Причем, сведение счетов было характерно не только после свержения самодержавия, что закономерно объяснялось грузом прошлых обид и притеснений и предоставившейся возможностью безнаказанного социального реванша, но и на протяжении всего пространства российской свободы, когда любое слово или действие администратора могло быть расценено рабочими как обида или оскорбление и привести к печальным для него последствиям. При этом анализ документов показывает, что на первом плане стояли именно личные обиды (увольнение, снижение расценок, критика работы, требование добросовестной работы и т. д.), а не профессиональные качества и интересы производства. Это подтверждает и факт замены устраненных администраторов лицами, которые устраивали рабочих и шли у них на поводу.

Уже 10 марта Совет рабочих депутатов Саткинского завода просил рабочих «не входить ни в какие пререкания с мастерами, десятниками и другими административными лицами и не производить насилий», а комиссия Златоустовского Совета спустя некоторое время прибывшая в Сатку указывала, что рабочие «перебирали старые счета, сучили кулаками на мастеров» и требовали «немедленной расправы с отдельными лицами» [17, л. 62]. О массовости данного явления говорит тот факт, что уже 16 марта 1917 г. на заседании Златоустовского Совета 16 марта специально обсуждался вопрос «о печальном явлении заводской жизни — сведении личных счетов отдельных рабочих или групп рабочих с представителями администрации, чаще всего с мастерами» [2]. В корреспонденции с Чермошского завода в мае 1917 г. отмечалось, что «из-за личных счетов часто отстраняются от работы хорошие мастера», которые заменяются «совсем непригодными» людьми [7].

Анализируя причины этого явления краевая комиссия представителей общественных организаций справедливо указывала на «факт постоянного невнимания к рабочим», который питал их раздражение и «заставлял все неудобства относить на счет администрации». Можно удивляться, отмечали ее представители, что «эта волна сведения счетов не приобрела еще большего размаха и не заглушила окончательно заинтересованности рабочих в дальнейшем существовании производства, только близкая связь со своим заводом, существование которого для него самого было нужно, удерживала от излишества в этом направлении» [12, л. 16].

Объективность «субъективного» собирательного образа администрации, который формировался у рабочих на протяжении многих десятилетий и превратился в пореформенное время в устойчивый стереотип подтверждают многочисленные свиде-

тельства «нейтральной» стороны в лице представителей судебной и административной власти.

Начальник Пермского губернского жандармского управления в отчете за 1898—1899 гг. отмечал, что отношения заводской администрации к рабочим в Красноуфимском и Кунгурском уездах «так несправедливы и ненормальны, что если не будут приняты своевременные меры к упорядочению этих отношений, стачки и забастовки неминуемы» [1, л. 19]. Начальник Уфимского губернского жандармского управления указывал в апреле 1905 г. на «крайне резкое и вызывающее поведение самих заведующих цехами, которые сами иногда подобным образом действий вызывают на неприятности рабочих» и рекомендовал руководству вести себя более сдержанно и корректно в отношении с рабочими [14, л. 285].

В результате расследования причин неурядиц на Усть-Катавском заводе в 1903 г. уфимский губернатор Соколовский пришел к заключению о том, что одной из главных причин конфликтов между рабочими и администрацией является позиция заводоуправления, которое «ведет дело крайне нежелательно, угнетая и притесняя местное заводское население, начиная от крупных нарушений его интересов и справедливых нужд... и кончая мелкими притеснениями...» [9, с. 567] и само провоцирует «недоразумения» между рабочими и начальством.

Ситуацию усугубляла позиция владельцев многих уральских заводов, которые рассматривали их лишь в качестве источника средств для столичной светской жизни и мало заботились о развитии производства. Этот сюжет детально разработан в советской историографии, поэтому ограничимся лишь одним примером. Из оценки уфимского губернатора Соколовского о ведении дел на заводах князя Белосельского-Белозерского, сделанной им в феврале 1903 г. следовало, что «все свободные деньги постоянно требовались собственникам на личные расходы, и часто из-за этого настоятельной потребности заводов по ремонту и улучшению постановки заводского дела не удовлетворялись».

Накопленный в поколениях огромный груз обид и притеснений, негативизм по отношению к заводской администрации и стойкое недоверие к ней в рамках российского долготерпения, дуалистического («мы» — «они») мышления и отношения к жизни с учетом огромной роли насилия как универсального средства решения конфликтов в традиционном обществе рано или поздно должны были достичь критической точки и найти выход в бунтарских формах. Их массовый взрыв произошел в начале XX в., когда под влиянием революционной свободы, ощущения вседозволенности и безнаказанности, сложного характера социальной адаптации к модернизационным процессам в условиях кризисного состояния уральской металлургии предшествующий социальный опыт актуализировал прежде всего гены насилия в форме таких протестных форм традиционного общества как бунты, погромы, убийства.

Подобные социальные взрывы не были направлены против основ существующего порядка, а свидетельствовали о стремлении рабочих к кон-

Краткие сообщения

сервации привычного социума и образа жизни и в определенной мере их можно рассматривать как новизну «учи» по отношению к зарвавшимся администраторам в рамках привычной патриархально-патерналистской системы отношений. Эти установки массового сознания корректировали также пропаганду политических партий, эффективность которой во многом зависела от ее соответствия или несоответствия ожиданиям масс и стереотипам их группового сознания, способствовали росту нетерпимости, поиску врагов в послефевральской России и стали одним из основных социально-психологических факторов эскалации Гражданской войны после прихода к власти большевиков.

Литература и источники

1. ГАПО. Ф. 162. Оп. 1. Д. 46.
2. Известия Златоустовского Совета рабочих депутатов. — 1917. — 18 марта.
3. Коробков, Ю. Д. Современные трактовки ментальности: проблемы и перспективы / Ю. Д. Коробков //

Вестник Оренбургского государственного университета. — 2002. — № 8. — С. 88—97.

4. Митинский, А. Н. Горнозаводской Урал / А. Н. Митинский. — СПб., 1909. — 244 с.

5. Озеров, И. Х. Горные заводы Урала / И. Х. Озеров. — М., 1910. — 253 с.

6. Пермская жизнь. — 1917. — 23 апр.

7. Пермская жизнь. — 1917. — 7 мая.

8. Пермская жизнь. — 1917. — 16 апр.

9. Положение рабочих Урала во второй половине XIX — нач. XX в. 1861—1904. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. — 665 с.

10. Попов, Р. Горнозаводской Урал / Р. Попов // Отечественные записки. — 1874. — № 2. — С. 299—372.

11. РГИА. Ф. 74. Оп. 1. Д. 316.

12. РГИА. Ф. 37. Оп. 74. Д. 916.

13. Уральская жизнь. — 1917. — 26 мая.

14. ЦГИА РБ. Ф. 187. Оп. 1. Д. 112.

15. ЦГИА РБ. Ф. 187. Оп. 1. Д. 37.

16. ЦДОО СО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 72.

17. ЦДОО СО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 332.

Поступила в редакцию 28 апреля 2016 г.

КОРОБКОВ Юрий Дмитриевич, доктор ист. наук, профессор кафедры истории России, Магнитогорский государственный технический университет, 455023, г. Магнитогорск, пр. Ленина, д. 38. E-mail: n.kyakkinen-56@yandex.ru

*Bulletin of the South Ural State University
Series «Social Sciences and the Humanities»
2016, vol. 16, no. 3, pp. 113—118*

DOI: 10.14529/ssh160317

SOCIAL CONFLICTS IN THE MINING AND METALLURGICAL ENTERPRISES OF THE URALS AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

*Yu. D. Korobkov, Nosov Magnitogorsk State Technical University,
Magnitogorsk, Russian Federation, n.kyakkinen-56@yandex.ru*

In view of the ambiguous evaluation of forms of social protest of workers in the mining Urals Russian historiography This article describes the different manifestations of it in the beginning of XX century. Along with the influence on the labor movement in the region features gornookruchnoy system Urals industry, the specificity of interaction of labor and capital in the Urals, a lot of attention paid to the analysis of group consciousness of local workers and the previously existing socio-cultural and psychological stereotypes conflict resolution. Application of the approaches of social psychology and conflict resolution allows to conclude that the prevalence of social conflicts in the mining and metallurgical Urals diverse and massive manifestations of the mentality and the ways to solve conflicts inherent in traditional society.

Keywords: The labor movement, metallurgical Ural stereotype.

References

1. GAPO. F.162. Op.1. D.46.
2. Izvestija Zlatoustovskogo Soveta rabochih deputatov. 1917. 18 marta
3. Korobkov Ju.D. Sovremennye traktovki mental'nosti: problemy i perspektivy [Modern interpretations of mentality: problems and prospects] // Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta. 2002. №8. P.88-97.
4. Mitinskij A.N. Gornozavodskoj Ural. [Gornozavodsk Ural] //SPb., 1909. — 244 p.
5. Ozerov I.H. Gornye zavody Urala. [Mountain plants in the Urals] // М., 1910. — 253 p.
6. Permskaja zhizn'. 1917. 23 aprelja.
7. Permskaja zhizn'. 1917. 7 maja.
8. Permskaja zhizn'. 1917. 16 aprelja.

9. Polozhenie rabochih Urala vo vtoroj polovine XIX — nach. XX v. 1861 — 1904. [The situation of workers of the Urals in the second half of XIX - beg. XX century. 1861 - 1904] // М.-Л.: Izd-vo AN SSSR, 1960. - 665 p.
10. Popov R. Gornozavodskoj Ural [Gornozavodsk Ural] // Otechestvennye zapiski. 1874. №2. - P. 299-372
11. RGIA. F.74. Op.1. D.316.
12. RGIA. F.37. Op.74. D.916.
13. Ural'skaja zhizn'. 1917. 26 maja.
14. CGIA RB. F.187. Op.1. D.112.
15. CGIA RB. F.187. Op.1. D.37.
16. CDOO SO. F.41. Op.1. D.72.
17. CDOO SO. F.41. Op.1. D.332.

Received April 28, 2016